

Евгения ЛИФАНТЬЕВА

ИСТОРИЯ В ДЕТАЛЯХ

Общественный благотворительный фонд «Возрождение Tobольска» осуществил интересный издательский проект, который с определённой степенью допущения можно назвать «исторической реконструкцией литературной жизни в России рубежа XVIII и XIX веков». В серии «Библиотека альманаха» вышла книга «Цевница. Усадебная лира. 1790–1820», в которой собраны стихи и проза этого периода, связанные с охватившей дворянское сословие модой разбивать в усадьбах не только фруктовые сады, но и парки – как регулярные, так и ландшафтные. Причём в него включены и русские авторы, и публиковавшиеся в тот период переводы текстов европейских писателей.

Большинство имён, которые можно увидеть в сборнике, в учебниках по истории литературы удастаиваются лишь перечисления через запятую, а некоторые вообще скрываются под литерами «и пр.». Однако, читая эти произведения глазами сегодняшнего человека, невольно поражаешься искренности и свежести, даже некоторой наивности чувства. Дело в том, что составитель А. Н. Стрижёв представил авторов, которые были предтечами великой русской литературы XIX века. Опубликованные сегодня строки наверняка читали и Жуковский, и Пушкин, и Лермонтов, и все литераторы начала XIX века. Они – то, что составляло культурную среду того периода, то, от чего великие отталкивались в своём творчестве.

Честно говоря, когда читаешь классиков, порой возникает ощущение, что чего-то недопонимаешь, потому что не знаешь, на что намекает автор, к чему ведут отсылки. «Камерная» поэзия и проза рубежа XVIII–XIX веков, собранная в «Цевнице», даёт своеобразные «ключи» к восприятию произведений более поздних авторов.

Скажем, в пушкинском «Евгении Онегине» есть строчки:

*Стал вновь читать он без разбора <...>
Прочёл из наших кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят...*

Какие такие «поученья»? Сборник «Цевница» даёт пример такого «поученья» – стихи Михаила Хераскова:

*Невежество – для смертных тьма,
Учение – корысть ума.
Коль хощет кто обогатиться,
Сыщи к Наукам верный путь
И празден в юности не будь,
Старайся мыслить и учиться!*

Разделы сборника «Философские размышления. Просвещение» и «Анакреонтика. Досуг» сформированы как раз на основе тех самых «И альманахов, и журналов, // Где поученья нам твердят».

Или ещё одно созвучие. В стихотворении Степана Жихарева «К моей родине» есть строчки:

*Не знал я бремени страстей,
Желанья мною не владели,
Все было у меня: свобода и покой!*

А в письме Онегина к Татьяне – словно продолжение темы:

*Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.*

Пушкин полемизирует с Жихаревым? Или в ту эпоху словосочетания «свобода и покой» («вольность и покой») были тем, что сегодня называют мемом – коротким высказыванием, за которым скрывается значительный смысловой пласт, известный людям, находящимся в одной культурной среде с употребляющими этот мем? Вопрос к литературоведам, это их работа копаться в таких деталях. Но новая книга из библиотеки альманаха «Тобольск и вся Сибирь» даёт возможность глубже погрузиться в ту культурную среду, которая окружала классиков, значит глубже понимать их.

Откуда родилась идея «реконструкции литературной эпохи»? Как ни странно, похоже, изначально такая цель не ставилась. Заключительная статья сборника, написанная редактором альманаха Юрием Перминовым, рассказывает о строительстве в Тобольске ландшафтного и историко-культурного парка «Ермаково поле». Это ещё один из проектов председателя и основателя общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадия Елфимова. Видимо, в момент работы над созданием парка и появилась идея собрать воеди-

но всё, что связано с истоками парковой культуры в России.

И тут хотелось бы сделать небольшое отступление. Недавно в изучении прошлого появилось такое направление, как историческая реконструкция, или «практическая история». Оно до сих пор носит более любительский, чем научный характер. Историческую реконструкцию интересуют не громкие события, а погружение в материальный мир эпохи. Её отличает внимание к деталям, к быту, к «вещному», к предметам, окружающим человека. Историческая реконструкция даёт возможность, опираясь на сохранившиеся образцы, реконструировать те объекты, с которыми человек ежедневно взаимодействовал. И значит, даёт возможность ощутить определённую эпоху не только сознанием, но и всеми чувствами, целиком, вплоть до вкусов и запахов.

Именно так – как реконструкция интеллектуального и духовного окружения рядового российского дворянина – воспринимается сборник «Цевница. Усадебная лира».

Период 1790–1820 годов в «большой» истории России наполнен громкими событиями. Это и смелые государей, когда после пышного екатерининского царствования на престол восходит Павел I, а затем, после дворцового переворота, – Александр I, и многочисленные реформы, чуть не закончившиеся появлением первой конституции, и войны с Наполеоном... А в глубине страны текла размеренная жизнь: помещики занимались хозяйством, барышни вели альбомы, провинциальные предводители дворянства давали провинциальные балы... и заботились о садах и парках.

Вспыхнувшая тогда мода на парки в помещичьих усадьбах имеет две причины. Первая – подтверждение Екатериной Великой в «Жалованной грамоте дворянству» основных положений «Манифеста о вольности дворянства» Петра III и борьба с дворянскими привилегиями при Павле I. Дворяне получили право не служить царю, проводя всю жизнь в своих имениях. То есть дворяне получили выбор: быть царскими слугами или, если нет стремления к придворной интриге, государственному управлению или военной карьере, довольствоваться провинциальной помещичьей жизнью.

Не служить, не участвовать в карьерных гонках становится если не престижно, то вполне социально одобряемо. Однако помещичья жизнь трактуется не как безделье, а как рачительная забота о хозяйстве в сочетании с занятиями искусствами.

Своеобразным «помещичьим манифестом» можно назвать строчки из стихотворения Евстафия Станевича «Мои желания к уединению»:

*Кто хочет, тот любви все шумные забавы,
Блестящий торжества и горожан уставы;
Кто хочет, тот кружись среди дневных сует –
Театры, маскарад за первый ставь предмет;
Кто хочет, тот и пой богатство, славу, чести,
Приятность роскоши, проницества хитрой лести.
Уединенну жизнь я пел и буду петь!
Желаю для того свой уголок иметь,
Построить домик там близ рощицы прекрасной.
На берегу реки приятной, быстрой, ясной,
Чтоб сельска простота везде видна была...*

В период правления Павла I, который попытался ограничить права дворян, регламентировав их выбор, эта идея «сельской простоты» становится определённым образом фрондой.

Вторая же причина бурного развития паркового искусства связана с мировыми событиями. Революция во Франции и амбиции Наполеона привели к тому, что французским землевладельцам стало не до парков. Большое число мастеров, вплоть до тех, кто создавал знаменитые сады Версаля, в поисках заработка разбрелись по Европе. Знатоками паркового дела были многие из бежавших от революции французских дворян. Попав в Россию, они познакомили русских помещиков с идеями и лучшими образцами регулярных парков. В сборнике есть текст Шарля Жозефа де Линя «Взор на сады». В России он был издан (в переводе С. А. Немирова и И. М. Снегирёва) в 1810 году, но отдельные идеи из него могут быть взяты на вооружение и сегодняшними ландшафтными дизайнерами:

«Острова тоже требуют хорошего внимания. Будучи пусты, они не производят никакого впечатления и кажутся малы. Но, быв усажены очень часто, кажутся смежны с берегом реки или пруда. Я заметил, что на них надобно сажать высокие деревья, чтобы можно было сквозь оные видеть воду».

Сочетание этих двух факторов привело к тому, что в России появились десятки известных, вплоть до императорских, и сотни – скромных, провинциальных, но от этого не менее роскошных парков.

В том же «Евгении Онегине» не раз упоминается «сад». Пишу в кавычках потому, что в то время «садом» назывались не только посадки фруктовых деревьев, но и то, что мы сегодня зовём парком (Летний сад, как известно, никакого отношения к сельскому хозяйству не имеет). Поэтому бывает весьма непросто понять того же Пушкина, представить, как должен выглядеть «сад», о котором идёт речь. В сад «идёт грустить» Татьяна, сад она вспоминает в сцене последней встречи с Евгением:

*Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище...*

А каков он был – «бедный» (хотя на самом деле, наверное, далеко не бедный, может, не очень ухоженный, но наверняка пышный) помещичий сад? Как он выглядел?

Если судить по тому же «Евгению Онегину», то он представляется то ягодной плантацией («*В саду служанки, на грядах, // Сбирали ягоду в кустах // И хором по наказу пели...*»), то местом, где растёт сирень, которую ломает Татьяна (хм... как же надо было шараться по кустам).

То вообще описывается как странное сочетание акации с капустой:

*Как я сказал, Зарецкий мой,
Под сень черёмух и акаций
От бурь укрывшись наконец,
Живёт, как истинный мудрец,
Капусту садит, как Гораций,
Разводит уток и гусей
И учит азбуке детей.*

Или это разные сады? Или через такие детали Пушкин даёт своим героям дополнительные характеристики, которые мы не понимаем?

Сборник «Цевница. Усадебная лира» даёт ответ на этот вопрос.

Вооружившись им, можно прийти в парк (в то же «Ермаково поле»), сесть на лавочку и представить себя если не Татьяной, то ещё живым дядюшкой Евгения Онегина.

Есть в теме «садов» и ещё одна грань, о которой нельзя забывать.

Идея «сельской простоты», жизни в окружении природы стала одной из причин подъёма в русской литературе такого направления, как сентиментализм. В произведениях этого направления впервые героем становится не «великий муж», а обычный, рядовой человек, его мысли и чувства.

С этой точки зрения напрашивается ещё одна параллель с парком «Ермаково поле» и сегодняшними идеями урбанистов, которые требуют реализации принципа «город – для человека, а не для машин или чиновников». То есть парковая тема объединяет и дворянскую фронду более чем двухвековой давности, и истоки великой русской литературы, и современные направления общественной мысли...

P. S. Не удивлюсь, если тобольские реконструкторы, особенно занимающиеся «куртуазными» веками, заведут привычку устраивать фотосессии в «Ермаковом поле». Пространство, организованное в созвучии с русской поэзией рубежа XIII–XIX веков, не может не усиливать эффект погружения в эпоху.

г. Омск

